

Милена Миллинткевич

Как Люсинда за Оскаром ходила

юмористический рассказ

16+

Милена Миллинткевич
Как Люсинда за
Оскаром ходила

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67902411

SelfPub; 2022

Аннотация

Гротескная история о том, как заслуженная доярка Люсинда Спесивцева об Оскаре мечтала, и что из этого получилось.

Милена Миллинткевич

Как Люсинда за Оскаром ходила

Люсинда Спесивцева, заслуженная доярка колхоза им. ЛСТЦК или как вещает обшарпанная вывеска на стене правления, колхоза им. «Луча Света в Тёмном Царстве Коммунизма», до замирания сердца и нервной трясучки любила смотреть трансляцию вручения кинопремии Оскар.

Лузгая семечки под шелест свежей газеты «Конец эпохи» то ли за апрель, то ли за август 1990 год, она пялилась в телевизор и представляла себя на красной ковровой дорожке в платье из кумачового пролетарского вельвета, расшитом пайетками и украшенном на груди крупными жёлтыми стразами в форме скоропостижно почивших незабвенных серпа и молота. Тяжело вздыхала. Местами беззубо лыбилась мерцающему вспышками фотокамер экрану. Потом шла на кухню и намешивала себе в алюминиевой кружке «Кровавую Мэри» из двадцатипятипроцентной томатной пасты, щепотки соли, двух щепотей перца, столовой ложки такого же столового уксусу и доброй порции свекольного самогона от рбд-ного папани, имевшего в колхозе гордое звание «дед Никифор». Как в лучших домах Лондона и Прарыжу украшала коктейль ломтиком перезрелого яблока из соседского сада,

по неосторожности упавшего к ней в цветник. И гордо неся перед собой скромный бюст восьмого размера и кружку с «Мэри», возвращалась к телевизору.

Сидя в скрипучем кресле и поскрипывая зубами от досады по далёкой мечте, она всякий раз цыкала и шипела на соседок, которые приبلудились к её телеку и теперь смачно прихлёбывали чай с баранками и мешали тоскливо взирать на выходявших к микрофону объявлять победителей неизвестных ей знаменитостей.

– Ох, бабоньки! – оприходовав залпом кружку «Мэри» и громко икнув, Люсинда мечтательно закатила глаза к давно не крашенным деревянным балкам потолка. – Придёт день, и я, Люсинда Спесивцева, буду стоять на этой сцене.

Бабоньки дружно ржали, громче племенных кобыл в колхозной конюшне, и лишь под утро расходились по хатам: кто вздремнуть часок-другой перед работой в поле, а кто за ведром и, зевая во все гланды, на дойку.

Всю следующую неделю после трансляции, удивляя знакомых и родных своим нездоровым интересом к заграничным причудам, Люсинда жужжала надоедливим слепнем о церемонии каждому, кому не повезло повстречаться ей на пути. И жужжала она про наряды, пышную церемонию и то, что однажды станет такой же знаменитой, как и те обладатели Оскара, которых она видела в телевизоре. А ещё про то, что она, Люсинда, просто создана для кинематографа. Отвешивая подзатыльники и одаривая крепким словом всех со-

мневающихся, она каждый день ждала, что её мечта исполнится.

И вот, спустя месяц у неё таки появилась нешуточная причина для гордости. Она, Люсинда Спесивцева, снялась в кино! Колхозники, слышав «сногшибательную» новость, хотели до слёз. И громче всех дед Никифор.

– Куды тебе в экран, Люсинда? У тебя ж рябая картоха вместо носа да морковные вареники заместо рта. А причесон-то, причесон! Жиденский хвостик дохлой трясогузки, – давясь хохотом и стряхивая с ноги ошмётки коровьей лепёшки, гоготал он.

Не поверили в колхозе им. ЛСТЦК заслуженной доярке. Но это была истинная правда, чище слезы самогонки деда Никифора. Нет, не подумайте чего, ни о какой главной роли и речи не шло. В эпизоде снялась. Да и то совершенно случайно. Люсинду никто не отбирал. Сама явилась.

А дело было так.

Шлёпала как-то раз Люсинда из города к себе в колхоз и наткнулась на полицейский кордон, перегородивший дорогу и часть рощицы. С участковым инспектором Палычем она ещё накануне рассталась то ли в пятый, то ли в двадцать пятый раз. Как всегда, с большим скандалом. Обвинила его в нежелании везти на рынок её заслуженные телеса и велела пред ней не появляться «во избежание тяжких телесных повреждений, нанесённых ведром, граблями или кашолкой с

продуктами по причине аффективного расстройства настроения».

А так как баба сказала – баба сделала и ни на шаг не отступит, попёрлась Люсинда домой через луг. Срезала, так сказать, путь и угодила акkurat в центр кадра. Съёмочная группа даже не сразу её заметила в массовке.

Ох, как были неправы актёры, когда, дабы не нарушать съёмку, попытались указать Люсинде на её оплошность. Она такой фееричный монолог завернула, что режиссёр сперва онемел, а потом едва живот со смеху не надорвал. Оставил испорченный эпизод в картине и даже гонорар выплатил. Целых пятьсот рублей! За «фактурность и эпичность образа».

С тех пор прошло полгода. И каждый день, посмеиваясь над всем колхозом, Люсинда ждала, когда же её на «Оскар» позовут.

– Номинация «За лучшую эпизодическую женскую роль» моя и только моя! – складывая руки под грудями, мечтательно вздыхала она.

Колхозники надрывали животы и обсуждали невероятное событие:

– Ну, вы Люсинду нашу знаете? – ржали одни.

– Представляете себе её выход? – покатывались со смеху другие.

– На меня нервная икота нападает, едва вспомню, как она на сцену за грамотой выходила! – хохотала ей вслед завклубом Клавдия.

И вот в один погожий день вернулась Люсинда с утренней дойки. Поставила на плиту чайник. Достала из шкафа последнюю банку с маринованными воспоминаниями прошлого лета, ну в смысле с огурцами. Накрошила крупненько в тарелку сала. Выставила на стол чугунок с молодой картошкой в мундирах и, щедро матеря родню, сожравшую накануне весь зелёный лук, плюхнула в кружку заварки.

Пронзительно засвистел позабытый на плите чайник, перепугав Люсинду до дрожи в коленках. Едва она уселась за стол и отпила из литровой кружки пару глотков пахнущего липой чая, вприкуску с добрым ломтём ржаного хлеба, сдобренного крупной солью и натёртого зубчиком чеснока, как с улицы послышались крики.

К хате на стареньком лисапеде подъехал шепелявый Ванька-почтальон. Следом за ним, поднимая пыль по дороге не хуже колхозного табуна, неслись местные сплетники.

– Никифоровна! Шлышь! – под гомон соседей прокричал в окно Ванька. – Табе пишмо ш телефишору.

– Откуда? – дожёвывая огурец и утирая сальный рот передником, Люсинда высунулась в окно. – Ты шо, Ванёк, с утраца уже набрался?

– Та ты шо, Никифоровна! Я – штекло! – смутился почтальон. – Ты ж егó пади ждала? Держи! Жакажное!

Люсинда на полпуза протиснулась в створки окна, да так, что едва не вынесла своим авторитетом и восьмым номером

раму, расписалась в протянутой бумажке, и уже хотела было впихнуть себя назад, как с улицы поднялся вой:

– Поимей совесть, Люська! Зачти! Народу интересно, кто тебе с телевизора пишет?

Люсинда фыркнула, втиснула себя в окно и закрыла створки. В хате что-то зазвенело и, с грохотом свалившись на пол, разбилось. Следом послышалась отборнейшая речь номинантки на звание «Самой остроязыкато́й и суе́тной чирикалки колхоза».

Появившись на крыльце, Люсинда сразила присутствующих невозмутимым выражением надменной морды лица. Вытащив из уже вскрытого конверта листок и, развернув его как в замедленной киносъёмке, она изрекла:

– Я же говорила, что получу Оскара! Вот любуйтесь!

Она издали показала листок, исписанный мелким убористым шрифтом не по-нашенски и, смерив всех презрительным взглядом, удалилась под несмолкаемый гул и вой колхозных активистов.

На том, может, всё и закончилось бы, да только кому-то там за океаном пришла в безумную голову гениальнейшая идея – провести церемонию вручения премии киноакадемии на родине самой необычной актрисы года.

В тот день после очередной ссоры с Палычем, Люсинда, в кои-то веки решила сама с ним примериться. Накупила в

Сельпо всяких деликатесов – макарон быстрого приготовления, сыроплавленной колбасы, рыбных тефтелей в томате, даже банку сливочного маргарина «Рам» по такому случаю не забыла и две буханки свежего вчерашнего белого хлеба из-под полы. Прихватила из дома бутылку самогона, и, найденную в закромах хаты предпоследнюю банку с маринованными воспоминаниями – последние огурцы-то уже доела. Нацепив купленный по случаю в городе новый спортивный костюм, повязав красную пролетарскую косынку и предвкушая знатные посиделки, она гордо шла по улице в клубах свежеподнятой пыли под свист шин и визг тормозов, проезжавших мимо лимузинов, абсолютно ничего не замечая вокруг.

– Люсинда! Слышь! – из-за угла выбежала запыхавшаяся и взъерошенная завклубом Клавдия. – Беги скорее, тебя председатель ищет и этот... как его... губыратор.

– Подождут! – надула Люсинда морковные вареники. – У меня поважнее дело имеется. Мне с Палычем мировую заключить надо.

– Да в клубе твой Палыч! – потянула за руку Клавдия. – Весь колхоз в клубе. Тебя одну ждут. Видала, сколько лимузиньев понаехало?

– Да на что мне те уродливые сараи на колёсах? Меня мотоцикл Палыча устраивает.

– Ой, Люсинда! Скажешь тоже... Идём! Мне председатель башку отвернёт, если я тебя в клуб не доставлю...

Глядя на размазанную тушь под глазами Клавдии, Люсинда поправила косынку, перехватила из одной руки в другую кашолку с деликатесами и выдохнула:

– Ну, так и быть. Пошли, что ли?

Красная дорожка шумела и, вскрикивая, ликовала при появлении очередной неизвестной знаменитости. Как бы ни хотелось Люсинде, пройти с кашолками под радостный треск фотокамер ей не позволили. Стоя за кулисами и тихо вспоминая организаторов внепланового беспредела всеми известными ей словами, Люсинда бросала на Клавдию гневные взгляды. Тут к ней подскочила длинноногая девица в прозрачной комбинации и, ухватив за локоть, потащила на сцену.

– Кашолки оставь! – прошипела ей вслед Клавдия.

– Ага! Щаз! – огрызнулась Люсинда. – Чтобы ты моей сыроплавленной колбасе ноги приделала?

Отбиваясь от охранников кашолкой, Люсинда споткнулась и вывалилась на сцену. Зал замер. По дощатому полу покатались две банки рыбных консервов и, стукнувшись, упали возле трибуны. Раздался дружный смех.

– Чё ха-ха! – собирая продукты, оскалилась Люсинда. – Это так вы своих звёзд встречаете?

Бородатый дядька пролепетал что-то по заграничному.

– Подходите поближе. Мы вас награждать будем, – озираясь по сторонам, проямлила переводчица с иноземного.

– А! Ну так бы сразу и сказали! – местами беззубо заулыбнулась Люсинда.

Подойдя к трибуне, она поставила с краю кашолку, поглядела в зал и два раза стукнула по микрофону, как это делала председатель:

– Здравствуйте! А я с Сельпо иду, а тут такое деется. Дай, думаю, зайду поздороваться!

Бородатый дядька откашлялся, открыл конверт, начал читать, а потом, как закричит по-своему и на Люсинду пальцами указывает.

Подбежали две размалёванные девахи в полупрозрачных комбинашках. Одна в руки веник цветастый суёт. Другая – мужика золочённого размером с тепличного огурца.

– Приз за лучшую женскую эпизодическую роль получает Люсинда Спесивцева! – прокричала в микрофон переводчица.

Зал взорвался аплодисментами. Люсинда захлопала глазами, посмотрела на раздражающе пахнущий веник, подмигнула переминающейся с ноги на ногу в кулисах Клавдии и, понизив голос до баса, спросила:

– Правда, что ли?

Переводчица отчаянно закивала.

– Ой, ё! – изобразила искреннее удивление на нахально лыбящемся лице Люсинда. – Так это мы завсегда рады премиям. Лучше, конечно, не веником, а деньгами. А то, слышь! Палыч-то мой по пьяни в курятник на тракторе въехал. Те-

перь ремонту на червонец. Не меньше!

– Поблагодарить надо, – тихо пробубнила переводчица.

– А! Ну это... Спасибочки за бурьян, можно подумать, у меня такого нет. Вона в огороде коси косой – не скосишь за лето.

– Руководство благодарите! – переводчица зло зашипела.

– Дык... Гу... гы... Губырнатору нашему и прыдсыдателю колхоза поклон низкий, за то, что этот цирк сюды привезли. За штуковину золочёную спасибочки. Тяжёлая! Пригодится в хозяйстве орехи колоть. А то каменюкой я уже раз двадцать по пальцам лупасила.

Люсинда покосилась в кулисы на пунцовую Клавдию и онемевшего председателя, обвела ошалелым взором зал и как треснет себя полбу:

– Мать чесная! Как же это я, а? Клавк, а Клавк! У вас тут тазик где-то был, ну тот, шо на Новый год для оливье используем. Тащи! Ща мы тут и выпить, и закусить найдём! Такое событие отметить надобно! Ща, салатикую накрошим, сырка, колбаски, сальца нарежем, огирков нашинкуем, у меня вот... – Люсинда достала из кашолки бутылку самогона. – Маловато, правда, на всех. Слышь, папаня, ты где? В зале? Чи нет? Молчит! От зараза окаянная ты, Клавка! А брехала, что все тут. Сгоняй-ка по шустрому к деду Никифору. Скажи, нехай погребя отворяет. Гуляем...

Весь следующий год колхозные сплетники гудели, как по-

тревоженный улей. Перемывали косточки председателю, губернатору, почтальону Ваньку, иноземным гостям и, конечно же, Люсинде. Единодушно пришли к выводу, что премия Оскар к ним в колхоз больше не придет. Но вот по какой причине, вспомнить так и не смогли.

Нет, встретили гостей душевно. Пировали, как и полагалось в таких случаях три дня. Головы после торжества у колхозников трещали ещё неделю, у местного начальства месяц, а у гостей заморских и по сей день похмелье. А чего вы ожидали? Пусть спасибо скажут, что после самогона деда Никифора живы остались.

Сам же дед Никифор пребывал в тоске и печали, да каждый день бранил дочку:

– Люсинда! Что б тебя, баба чумная! Накой лях ты такую рекламную акцию забахала, что весь колхоз до следующего урожая свёклы сухим оставила. Эти заморские мистеры и их мадамы выжрали все мои запасы. Даже то, что я себе на похороны заначил.

– Ничё, папаня! – колотя заморской статуэткой орехи, мечтательно вздыхала Люсинда. – Зато в наш колхоз теперь экскурсии из райцентра и области возют. Меня показывают, клуб и руины колхозной столовой, где Оскар гулял. Эх, хорошо посидели. Жаль мало. Надо бы как-нибудь повторить! Или ещё чего замутить. Как мыслишь, папаня?